

А. Э. ВАКСЕР и Л. Ф. СКЛЯРОВ

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СССР ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НЭПу

Величайшие достижения Советского Союза в области экономики, науки, культуры вызывают нарастающий интерес во всем мире к истории строительства социализма—коммунизма в СССР. Друзья и прогрессивные круги стремятся в историческом опыте, накопленном нашим народом, найти ответы на самые жгучие и насущные вопросы международной жизни и внутреннего развития своих стран; враги — отыскать и использовать в борьбе против сил социализма ошибки, откопать несуществующие слабые и отрицательные стороны нового общественного строя, оклеветать его в глазах человечества.

Далеко не последнее место в этой неблагоприятной деятельности принадлежит западногерманской буржуазной историографии. Только за последние несколько лет в ФРГ появилась целая серия работ, злобно искажающих историю СССР советского периода.¹ Среди наиболее интенсивно и систематически фальсифицируемых проблем важнейшее место занимают вопросы классовой борьбы на разных этапах развития социалистического

¹ См., например, O. Schiller. Die Landwirtschaft der Sowjetunion 1917—1953. Tübingen, 1954; W. Hofmann. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Berlin, 1955; G. Hildeg. Wir und Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918—1941. Frankfurt a. M., 1955; Dietrich Geyer. Die Sowjetunion und Iran. Tübingen, 1955; W. Erfurt. Die sowjetrussische Deutschlandpolitik 1945—1955. Esslingen, 1956; «Der Mensch im kommunistischen System». Tübingen, 1957; A. Kischkowsky. Die sowjetische Religionspolitik und die russische orthodoxe Kirche. München, 1957; R. Fischer. Die Umformung der Sowjetgesellschaft. Chronik der Reform 1953—1958. Düsseldorf, 1958; E. Boettcher. Die sowjetische Wirtschaftspolitik am Scheidewege. Tübingen, 1959.

общества, в том числе и при переходе от войны к миру в 1920—1921 гг.²

Повышенный интерес зарубежных реакционеров от науки к названной теме не случаен. Многие из них пытаются провести аналогию между классовой борьбой в Советской стране зимой 1920—весной 1921 гг. и провалившимися контрреволюционными путчами в некоторых странах народной демократии и, таким образом, доказать их неизбежность и закономерность.³

Подобные установки достаточно ясно выявляют политические устремления их авторов, служат интересам поддержания обанкротившейся политики «холодной войны». Поэтому разоблачение фальсификации истории классовой борьбы в СССР в период перехода к НЭПу представляет не только специальный, но и значительный политический интерес.

В числе выпущенных в последние годы западногерманскими «советоведами» работ, затрагивающих названную проблему, видное место принадлежит книгам Г. Рауха «История большевистской России»,⁴ В. Гроциана «Советская правительственная система»,⁵ Е. Лемберга «Восточная Европа и Советский Союз. История и проблемы»,⁶ О. Анвайлера «Советское движение в России 1905—1921 гг.».⁷ Политическое лицо и идеологические взгляды этих авторов определяются их близостью к гитлеровскому режиму, активным участием в различных организациях так называемого остфоршунга — одного из главных орудий ре-

² См.: E. Hanisch. Geschichte Sowjetrusslands 1917—1941. Freiburg, 1951; I. Deutscher. Stalin. Die Geschichte des modernen Russland. Stuttgart, 1951; E. Lemberg. Osteuropa und die Sowjetunion. Geschichte und Probleme. Salzburg, 1956; G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1956.

³ Буржуазная историография никогда не упускала возможности еще и еще раз вернуться к событиям 1921 г. Только после второй мировой войны на тему о кронштадтском мятеже был опубликован и переиздан вновь ряд работ. См., например, A. Berkmann. Der Aufstand von Kronstadt. «Monat», Berlin, 1951, Н. 30; R. Daniels. The Kronstadt Revolt of 1921. A Study in the Dynamics of Revolution. «The American Slavic and East European Review», 1951, October; I. Mett. La Commune de Kronstadt. Paris, 1949; G. Scheuer. Kronstadt. März, 1921. «Die Zukunft (sozialistische Monatsschrift f. Politik, Wirtschaft, Kultur)», Wien, 1957, Н. 3, S. 84. Статья Г. Шойера, опубликованная в австрийском правосоциалистическом журнале, по содержанию и политической направленности целиком примыкает к фальсификаторским работам западногерманских буржуазных историков.

⁴ G. Rauch. Geschichte des bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1956.

⁵ W. Grottian. Das sowjetische Regierungssystem. Köln, 1956.

⁶ E. Lemberg, ук. соч.

⁷ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Leiden, 1958.

ваншизма.⁸ Источниковедческая и историографическая база этих исследований однобока и тенденциозна. Так, по разбираемым в предлагаемой статье вопросам Г. Раух, В. Гроциан и Е. Лемберг ограничиваются использованием книг фашистских и реакционных англо-американских «советологов» типа А. Розенберга, Л. Шапиро, Е. Карра, У. Чемберлина и др.,⁹ белоэмигрантских документальных публикаций,¹⁰ воспоминаний анархо-меньшевистско-эсеровских и белогвардейских деятелей.¹¹ И лишь О. Анвайлер в виде исключения для придания видимости объективности ссылается на работу А. С. Пухова «Кронштадтский мятеж в 1921 г.».¹² Абсолютное большинство трудов советских историков замалчивается и игнорируется.¹³

В рамках небольшой статьи трудно дать исчерпывающий разбор и критику всех точек зрения и взглядов западногерманской буржуазной историографии последних лет на классовую борьбу в Советской России в период перехода от войны к миру в 1920—1921 гг. Цель авторов — выделить и разоблачить наиболее типичные приемы и методы фальсификаторов по основным вопросам названной проблемы.

⁸ См.: Б. Спирю. Ostforscher, Ostfälscher, Ostfahrer (западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма). «История СССР», М., 1960, № 1, стр. 237—249; В. Н. Салов. О западногерманской буржуазно-реакционной историографии Октябрьской социалистической революции. В кн.: «Против буржуазной фальсификации истории советского общества», М., 1960, стр. 39—43.

⁹ A. Rosenberg. Geschichte des Bolschewismus von Marx bis zur Gegenwart. Berlin, 1932; L. Schapiro. The Origin of the Communist Autocracy. London, 1955; E. Carr. The Bolshevic Revolution 1917—1923. London, vol. 1—3, 1950—1953; W. Chamberlin. The Russian Revolution. N. Y., 1935.

¹⁰ См.: «Правда о Кронштадте», Изд. «Воля России», Прага, 1921.

¹¹ См.: Ф. Дан. Два года скитаний. Берлин, 1922; P. Miljukow. Russlands Zusammenbruch. 2 Bde, Stuttgart—Leiden—Berlin, 1925—1926, и др.

¹² А. С. Пухов. Кронштадтский мятеж в 1921 г. Л., 1931.

¹³ См.: П. И. Болдин. Большевики в кронштадтском мятеже. «Красная летопись», Л., 1931, № 3; К. Жаковщиков. Разгром кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. Л., 1931; Сб.: «Меньшевизм на службе русской и международной контрреволюции», М., 1931; М. Беляшов. Разгром кулацкого контрреволюционного мятежа в Зауралье. «На земле курганской», Курган, 1953, № 3; Я. Головчинер. Симбирская губерния накануне перехода на мирную работу, 1920—1921 гг. «Краеведческие записки» (Ульяновский обл. Краеведческ. музей), 1953, вып. 1; «СССР в период восстановления народного хозяйства, 1921—1925 гг. Исторические очерки», М., 1955; А. Новгородов. Ликвидация контрреволюционных мятежей в Якутии, 1921—1922 гг. «Ученые записки» (Московский областной педагогический институт), 1956, т. 46; Т. Кельдиев. Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях Туркменской АССР (1918—1923). Ташкент, 1959; И. Я. Трифонов. Классовая борьба в начале нэпа. «Вестник ЛГУ», серия истории, языка, литературы, Л., 1959, № 2, вып. 1, и др.

Одним из центральных вопросов предлагаемой темы является вопрос об основных экономических и политических факторах, приведших к обострению классовой борьбы в стране весной 1921 г. По мнению западногерманских буржуазных ученых, коренными причинами хозяйственного и политического кризиса 1921 г. были не империалистическая и гражданская войны, не иностранная военная интервенция, а социалистические преобразования экономики, осуществленные в первые годы пролетарской революции, — национализация банков, торгового флота, индустрии и т. д.¹⁴⁻¹⁵

В качестве единственного обоснования таких выводов Е. Лемберг, например, в одной из глав своей книги выдвигает сконструированный им всеобщий социологический закон, согласно которому всякая революция пытается осуществить идеалы нового общественного порядка немедленно и насильственно. Руководители революции, дескать, забывают, что дело идет о людях, с которыми придется строить новое общество. Именно вследствие неподготовленности большинства населения к восприятию революционных преобразований последние якобы на всем протяжении истории терпели и терпят крах.

Но никакой наспех состряпанный «социологический закон» не может заменить научного доказательства того, что разруха была будто бы следствием национализации промышленности и других основных социалистических преобразований. Таких доказательств у Е. Лемберга, как и у его коллег, нет да и быть не может.

Советской исторической наукой неопровержимо доказано, что упадок экономики России, вызванный якобы, как утверждает буржуазная историография, социалистической революцией и связанными с нею преобразованиями, начался задолго до Октября¹⁶ (Е. Лемберг и Г. Раух¹⁷ признают это как бы между прочим, уклоняясь от выводов). Отсюда следует, что социалистические преобразования не могли явиться причиной разрухи.

Возникает и другой вопрос. Каким образом могла победить новая общественная система политически, если, как утверждают

¹⁴⁻¹⁵ См., например, E. Lemberg, ук. соч., стр. 169, 170; G. Rauch, ук. соч., стр. 173—174.

¹⁶ См.: «История гражданской войны в СССР», т. 1, 2-е изд. М., 1938; Сб. докум. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», чч. 1—2, М., 1957; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1956; И. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, и др.

¹⁷ См.: E. Lemberg, ук. соч., стр. 170; G. Rauch, ук. соч., стр. 173.

упомянутые авторы, экономическая основа ее потерпела полное банкротство.¹⁸ История не знала и не знает подобных случаев.

Предположим, однако, что господа Раух, Лемберг и прочие все же правы. Тогда народное хозяйство захваченных белыми генералами районов РСФСР, в которых тотчас же восстанавливалась частная собственность и ликвидировались все социалистические преобразования, должно было являть собою картину хотя бы некоторого подъема. Еще в более благоприятном состоянии должна была находиться, например, экономика меньшевистской Грузии, где под сенью немецких и английских штыков процветала «истинная демократия» и система свободного предпринимательства. Между тем хозяйство этих районов находилось не только не в лучшем, но в значительно более тяжелом состоянии, нежели в Советской России.¹⁹

В Подмосковном бассейне, перешедшем в собственность народа, добыча угля, равнявшаяся в 1913 г. 300.4 тыс. т, составила в 1918 г. — 383.3 тыс., в 1919 г. — 396.4 тыс., а в 1920 г. возросла до 627.3 тыс. т.²⁰ Добыча же угля в Донецком бассейне, оставшемся большую часть 1918—1919 гг. в руках белогвардейцев, упала с 25.3 млн т в 1913 г. до 8.9 млн т в 1918 г. и до 5.6 млн т в 1919 г.²¹

Не менее, если не более печальное зрелище представляло собою народное хозяйство Грузии. В то время как РСФСР за годы гражданской войны и интервенции понесла огромный ущерб, исчисляемый от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ довоенного национального богатства,²² на территории Грузии в 1919—1920 гг. не велось активных военных действий, страна не подвергалась блокаде, ее экономика полностью оставалась в руках частного капитала.²³ Большевики боялись даже в самой незначительной степени ущемить права и интересы буржуазии. Их центральный орган — журнал «Экономическая жизнь» заявлял: «Безусловно и безоговорочно должны быть отвергнуты все те эксперименты,

¹⁸ См., например, Е. Лемберг, ук. соч., стр. 169; G. Rauch, ук. соч., стр. 178.

¹⁹ «История Гражданской войны в СССР», т. 4, М., 1959, стр. 59—61, 229.

²⁰ В. Г. Тимофеев. Подмосковный каменноугольный бассейн. М.—Л., 1932, стр. 23.

²¹ Г. Д. Бакулев. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, стр. 278; см. по этому вопросу также: Н. Иконников. Белые на Юге России (по данным белой печати). ж. «Профессионально-экономический вестник» (орган Нижегородского Губпрофсовета), 1920, № 1, стр. 25—30.

²² Н. Любимов. Баланс взаимных требований СССР и держав соглашения. М.—Л., 1924, стр. 14, 17.

²³ См.: Е. Драбкина. Грузинская контрреволюция. «Прибой», 1928, стр. 111—119.

которые характеризуют „хозяйственную практику“ Советской России, как например даже единичные случаи реквизиций и конфискаций». ²⁴ Несмотря на такие, казалось бы, идеальные (с точки зрения буржуазных историков) условия, экономика страны переживала тяжелый кризис. Даже глава правительства Н. Жордания в конце 1920 г., т. е. после более чем двухлетнего господства меньшевиков, вынужден был в докладе экономическому совещанию своей партии сделать горькое признание: «Несколько времени назад мы говорили, что в экономическом отношении мы быстрыми шагами идем к катастрофе... Но теперь это предположение уже оправдалось... Мы уже дошли до катастрофы». ²⁵⁻²⁶

Добыча марганца, одного из важнейших видов промышленного сырья, сократилась в 1919 г. в сравнении с довоенной в 12 раз, сбор хлебов в 1920 г. упал почти вдвое. В полное расстройство пришло денежное обращение. ²⁷ Реальная заработная плата рабочих к январю 1921 г. уменьшилась более чем в восемь раз, в то время как в Советской России, понесшей неизмеримо более тяжелые потери, она сократилась примерно лишь вчетверо. ²⁸

Таковы факты. Они опрокидывают измышления западно-германских остфоршеров относительно действительных причин разрухи, обрушившейся на страну. Эти факты, не говоря уже о великой победе советской власти в гражданской войне, свидетельствуют о том, что социалистическая экономика уже в первые годы существования убедительно доказала свое превосходство над капитализмом, свою жизнеспособность и непреодолимую силу.

Чувствуя, по-видимому, шаткость своих выводов относительно экономических причин обострения классовой борьбы в Советской России весной 1921 г., авторы анализируемых работ прибегают к испытанному приему фальсификаторов. Они пытаются отождествить коренные социалистические преобразования с политикой военного коммунизма, представить ее как экономически и политически неизбежный результат социалистической революции, предусмотренный якобы программой большевиков, наиболее полно и последовательно претворяющий в жизнь их цели и задачи. Г. Раух, например, объявляет весь

²⁴ Там же, стр. 112.

²⁵⁻²⁶ Там же, стр. 124—125.

²⁷ См. выдержку из доклада директора Департамента торговли и промышленности председателю Правительства Грузии, 7 ноября 1919 г. Сб. докум. «Борьба за победу Советской власти в Грузии», Тбилиси, 1958, стр. 498—499.

²⁸ См.: С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 504.

период с 1917 по 1921 г. периодом военного коммунизма. Затем он валит в одну кучу национализацию крупной промышленности, транспорта, осуществленную в соответствии с экономической программой Коммунистической партии, и национализацию средних и мелких предприятий в 1919—1920 гг., вызванную чрезвычайными военными обстоятельствами.²⁹ К аналогичным методам прибегают и другие буржуазные историки. «Так называемая Октябрьская революция 1917 г., — пишет Е. Лемберг, — означала только захват власти. Настоящая же революция осуществилась впервые... в формах так называемого военного коммунизма, решительно перестраивавшего общественный и экономический порядок».³⁰ Основными характерными чертами военно-коммунистической политики, по мнению Лемберга, были: сосредоточение государственной власти в руках рабочего класса и уничтожение частной собственности.

Смешав военный коммунизм с социалистическими преобразованиями, реакционная историография пускается на другой антинаучный трюк. Она полностью игнорирует положительные результаты военно-коммунистической политики, которая сыграла огромную роль в достижении победы над врагами в гражданской войне. Отрицательные же последствия ее, выявившиеся особенно в новой мирной обстановке, односторонне раздуваются и приписываются уже не военному коммунизму, а коренным социалистическим преобразованиям. Г. Раух, например, выдает запрещение частной торговли, военизацию труда и тому подобные временные меры, которые были обусловлены чрезвычайными военными обстоятельствами и вызвали недовольство крестьянства лишь после окончания войны, за результат национализации орудий и средств производства.³¹ Так, с помощью нехитрой софистики социалистические преобразования превращаются в главную причину недовольства рабочих и крестьян в конце 1920—начале 1921 г. Основной тезис и методы его доказательства, к которым прибегают буржуазные историки не только в ФРГ, но и в других странах, не новы. Они заимствованы ими у русских белоэмигрантов, пытавшихся задним числом в начале двадцатых годов опорочить социалистическую революцию в России и снять заодно с себя и международную буржуазию ответственность за огромный ущерб, нанесенный народному хозяйству страны в годы империалистической и гражданской войн.³²

²⁹ G. Rauch, ук. соч., стр. 173—175.

³⁰ E. Lemberg, ук. соч., стр. 171.

³¹ G. Rauch, ук. соч., стр. 174—175; см. также: E. Lemberg, ук. соч., стр. 169.

³² См.: С. Н. Прокопович. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923, стр. 127—130; С. Кон. Опыт советской национализации.

Эта неуклюжая клевета на социализм рассыпается подобно карточному домику при первом соприкосновении с фактами. Г. Раух обосновывает свою концепцию тождества военно-коммунистических мер и социалистических преобразований экономики путем ссылки на авторитет... советской историографии, которая якобы «называет время с 1917 по 1921 г. эпохой военного коммунизма».³³ Между тем и Рауху и его коллегам прекрасно известна действительная точка зрения марксистской историографии, утверждающая прямо противоположное: глубокое принципиальное отличие периода приступа к мирному строительству (весна—середина 1918 г.) от периода военного коммунизма (середина 1918 г.—1920 г.).³⁴ Достаточно обратиться к ленинской работе «Очередные задачи Советской власти», написанной весной 1918 г. и утвержденной ВЦИК в качестве официальной программы правительства,³⁵ к законодательным актам этих месяцев,³⁶ чтобы убедиться, что в них не предусматривалось ни национализации всей (в том числе средней и мелкой) промышленности, ни аннулирования торговли и денежной системы, ни продразверстки, ни военизации труда, т. е. тех мер, которые вся реакционная историческая литература называет характерными чертами «истинно коммунистической системы» и которые она приписывает уже первому периоду существования Советской власти.

Наоборот, пролетарское государство стремилось осуществить постепенный, осторожный переход к социалистическим преобразованиям экономики, «... с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки».³⁷ Но «... логика борьбы и сопротивление буржуазии заставили нас, — указывал В. И. Ленин, — перейти к самым крайним, к самым отчаянным, ни с чем не считающимся приемам гражданской борьбы, которая разорвала Россию три года».³⁸ Совокупность этих приемов,

В кн.: «Русский экономический сборник», т. IX, Прага, 1927, стр. 52—58; П. Струве. Итоги и существо коммунистического хозяйства. Изд. «Слово», Берлин, и др.

³³ G. Rauch, ук. соч., стр. 173.

³⁴ См.: «История гражданской войны в СССР», т. III, М., 1958; П. И. Лященко, ук. соч., т. III, М., 1956; И. А. Гладков. Очерки советской экономики 1917—1920 гг. М., 1956; В. А. Виноградов. Социалистическое обобществление средств производства в промышленности СССР, 1917—1918, М., 1955, и др.

³⁵ См.: «История гражданской войны в СССР», т. III, стр. 145.

³⁶ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ), 1917, № 2, ст. 22; 1918, № 10, ст. 151, 152; 1918, № 32, ст. 418; 1918, № 35, ст. 468, и др.

³⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 67.

³⁸ Там же, стр. 69.

включавших национализацию средней и мелкой промышленности, запрещение частной торговли хлебом и другими продуктами первой необходимости, продразверстку, трудовую повинность и некоторые другие мероприятия, и известна под названием политики военного коммунизма. Эта политика опиралась на военно-политический союз рабочего класса и крестьянства. Экономическая основа его состояла в том, что трудящиеся крестьяне получали от Советской власти землю и защиту от помещика и кулака, а рабочие получали от крестьян продовольствие по продразверстке в ссуду до восстановления крупной промышленности. Союз этот оказался той несокрушимой силой, которая вдребезги разбила все попытки реставрации капитализма в нашей стране в 1918—1920 гг. Однако в мирных условиях прежняя форма его стала недостаточной. Крестьян как мелких товаропроизводителей уже не удовлетворяла система продразверстки с вытекавшим из нее ограничением свободы торговли. На этой почве и возникло недовольство. Вскрывая причины его, В. И. Ленин говорил: «Разверстка в деревне... мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года».³⁹ «Но она была единственным возможной при тех условиях... И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране».⁴⁰

Если верить выводам и схеме западногерманских «советоведов», то недовольство должно было быть направлено прежде всего против коренных социалистических преобразований, породивших якобы продразверстку и т. п. Но в действительности наблюдалась принципиально иная картина. Даже авторы пресловутой кронштадтской резолюции и подобных ей документов⁴¹ не решались открыто сказать ни единого слова против национализации крупной промышленности, транспорта, банков и т. п. и ограничивались прежде всего требованиями отмены чисто военно-коммунистических мер. Это явление чрезвычайно показательно. Оно свидетельствует о том, что сокрушительное поражение в гражданской войне заставило врагов сделать определенные выводы. Они поняли, что всякие выступления, направленные открыто против общественной собственности в промышленности, национализации земли и защищавшей их Совет-

³⁹ Там же, стр. 41.

⁴⁰ Там же, т. 32, стр. 434.

⁴¹ Смешно и нагло выглядят заявления зарубежных буржуазных историков о том, что будто бы до сих пор эта резолюция тщательно скрывается от народа большевиками. Еще в 1931 г. она была полностью опубликована в книге А. С. Пухова «Кронштадтский мятеж в 1921 г.» (стр. 59).

ской власти, встретят решительный отпор рабочего класса и крестьянства и неминуемо потерпят провал. Поэтому внутренняя и внешняя контрреволюция пыталась перенести центр тяжести борьбы в новую плоскость: использовать в своих интересах недовольство части населения временными военно-коммунистическими мерами, которые в мирных условиях превратились из жизненно необходимых в тормоз, мешавший восстановлению экономики.

Следовательно, попытка названных авторов извратить экономические причины обострения классовой борьбы в Советской России весной 1921 г. путем различных ненаучных махинаций с военным коммунизмом, как и вся концепция реакционной «советологии» в этом вопросе, от начала и до конца фальшивы.

Искажая действительные экономические причины внутриполитического кризиса, который переживала республика при переходе от войны к миру, буржуазная историография немало внимания уделяет фальсификации политических факторов, приведших будто бы к обострению классовой борьбы в стране. В. Гроциан пишет о резком недовольстве различных слоев населения, требовавших «снять смирительную рубашку... и дать обществу вновь свободно развиваться сообразно с лозунгами и обещаниями большевистского руководства, декларированными накануне Октябрьской революции и вскоре после нее». ⁴² Ему вторят Г. Шойер ⁴³ и О. Анвайлер. ⁴⁴

За фразами, порою туманными, порою крикливыми и откровенными, выступает одна и та же мысль: важнейшей причиной недовольства масс явилось якобы невыполнение коммунистами своих обещаний и лозунгов, выдвинутых накануне Октября.

Обратимся к программе большевиков, под флагом которой они боролись за массы в период двоевластия, завоевали их поддержку и большинство в Советах и осуществили пролетарскую революцию. Эта программа неоднократно излагалась и в решениях VII апрельской конференции большевиков, и в резолюциях VI съезда РКП(б), ⁴⁵ и в выступлениях В. И. Ленина. ⁴⁶ За месяц до Октябрьской революции основные положения ее были еще и еще раз доведены В. И. Лениным до сведения рабочих,

⁴² W. Grottian, ук. соч., стр. 50.

⁴³ G. Scheuer, ук. соч., стр. 84.

⁴⁴ O. Anweiler, ук. соч., стр. 308, 317.

⁴⁵ См.: «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, М., 1954, ч. 1, стр. 303, 353.

⁴⁶ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 1—7, 35—68, 138—141, 316—319, 335—339, 417—442; т. 25, стр. 295—339, 340—347; т. 26, стр. 38—46, и др.

солдат и крестьян в статье «Задачи революции», напечатанной в газете «Рабочий путь» за 26 и 27 сентября (по старому стилю) 1917 г.⁴⁷

Программа разъясняла массам гибельность для дела революции соглашательства с буржуазией, необходимость вооружения рабочих, свержения буржуазной диктатуры и передачи всей власти в руки Советов. В качестве первой задачи правительства Советов программа предусматривала немедленное прекращение войны и заключение мира, конфискацию помещичьей земли и передачу ее в распоряжение крестьянских комитетов. Для быстрой и эффективной борьбы с разрухой предлагалось безотлагательно ввести рабочий контроль над производством и потреблением, немедленно национализировать банки и важнейшие отрасли промышленности, отменить коммерческую тайну, установить строгий надзор со стороны рабочих и крестьян за буржуазией и т. д.⁴⁸

Нет нужды доказывать, что программа была полностью выполнена Советским правительством в ближайшие месяцы после Октября.⁴⁹

Разговоры западногерманских историков о каких-то «неисполненных обещаниях большевиков», очевидно, нужны им лишь для того, чтобы (в который раз!) извратить историю Октября и оклеветать Коммунистическую партию и ее политику. Особенно нелепа попытка О. Анвайлера опорочить программу большевиков с помощью ссылки на ленинскую работу «Государство и революция». Анвайлер пишет, что массы были

⁴⁷ Статья была написана вскоре после разгрома корниловщины, когда на короткое время вновь возникла возможность мирного развития революции. Однако это обстоятельство не может служить поводом к отрицанию возможности использования документа в качестве программы, на основе которой большевистская партия завоевала доверие масс, повела их на вооруженное восстание и пришла к власти. «Наше дело, — писал В. И. Ленин в вводной части работы, — помочь сделать все возможное для обеспечения „последнего“ шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения» (В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 39). И далее, в заключении: «Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывает на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом. . . Она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством, для осуществления изложенной программы, . . .» (там же, стр. 46).

⁴⁸ Там же, стр. 38—46.

⁴⁹ См., например, «История гражданской войны в СССР», т. III, стр. 65—164.

обмануты в своих ожиданиях «государства социального равенства», обещанного В. И. Лениным в названной книге.⁵⁰

Каждому сколько-нибудь знакомому с работой В. И. Ленина «Государство и революция» известно, что основной задачей этого произведения являлась защита и обоснование марксистского учения о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин нигде и никогда не выдвигал идеи немедленного превращения капитализма в коммунизм, а наоборот, со всею решительностью подчеркивал объективную необходимость переходного периода от первого ко второму. При этом он указывал, что даже на первой фазе коммунистического общества — социализме, о построении которого в 1917 — 1920 гг. шла речь лишь как о задаче, а не о свершившемся факте, можно говорить о равенстве только в смысле отношения к средствам производства, которые «... уже вышли из частной собственности отдельных лиц».⁵¹ Анализируя далее отношения людей на первой фазе коммунизма, В. И. Ленин приходил к следующему выводу: «Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые...».⁵² О каком же «государстве социального равенства», обещанном будто бы В. И. Лениным, говорит О. Анвайлер? Если подразумевать ликвидацию частной собственности на орудия и средства производства и передачу их в руки общества, что имел в виду В. И. Ленин, то подобная революционная мера была осуществлена. Эту очевидную истину признает и О. Анвайлер и все его коллеги. Ни о каком другом «социальном равенстве» В. И. Ленин для периода социализма не говорил.

Следовательно, О. Анвайлер для доказательства своего фальшивого тезиса прибегает к недостойному приему: фальсификации взглядов идейного противника.

Тезис о недовольстве масс новой общественной системой, «насаждаемой большевиками», о «невыполнении» партией своих обещаний, данных накануне Октябрьской революции, нужен реакционной историографии лишь для того, чтобы скрыть классовую суть и характер антисоветских выступлений весны 1921 г.

Рассуждения названных авторов, как будто бы опирающиеся на некоторые известные факты (мятежи на Тамбовщине, в Зауралье, в Сибири, демонстрации и забастовки в некоторых городах, Кронштадтский мятеж), призваны обосновать и подкрепить вывод, что весной 1921 г. против большевиков якобы «восстал весь народ» — рабочие, крестьяне, армия и флот. Но

⁵⁰ О. Anweiler, ук. соч., стр. 317.

⁵¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 437.

⁵² Там же, стр. 437—438.

буржуазная наука, используя эти факты, затушевывает классовое содержание событий и тем самым грубо их фальсифицирует.

Известно, что ядром подавляющего большинства крестьянских восстаний, вспыхнувших в этот период в различных губерниях Советской России, было кулачество. Так, одним из крупнейших выступлений весны 1921 г. явился мятеж в Западной Сибири, охвативший Барабинскую, Приуральскую и Казахскую степи, районы Омской губернии, Тобольский север до Обдорска.⁵³ Основной силой этого восстания были кулаки, торговцы, рыбопромышленники, маслоделы, чиновники, духовенство. Всему Приобью были известны кулацкие и торговые фамилии Тотосовых, Тверитиных, Типсиных, Барышевых, Устиновых и др., имевшие в своих хозяйствах к 1921 г. по 8—15 дойных коров, по 7—20 рабочих лошадей, по несколько домов, стряжневые неводы, большие запасы хлеба.⁵⁴ Аналогичная картина выявляется по Зауралью, Енисейской губернии и другим областям Сибири, где кулацкая прослойка в среднем достигала 15% ко всему крестьянскому населению, а также по Поволжью, Украине, т. е. по всем основным районам распространения бандитизма.⁵⁵ Захваченный отрядом ЧК главарь крупнейшей банды, орудовавшей в Симбирской губернии в 1919—1921 гг., — И. Ухачев, связанный с Антоновым, бесчинствовавшим на тамбовщине, показал на суде, что его банду укрывали богатые крестьяне.⁵⁶ Основное ядро бандитов шайки белогвардейца Самсонова, действовавшей в этой же губернии, составляли бывшие содержатели публичных домов, кабаков и прочие паразитирующие элементы.⁵⁷ Ярким свидетельством главенствующей роли кулачества в восстаниях является «законодательство» так называемой «Тобольской федерации» — самозванного, бандит-

⁵³ См.: «СССР в период восстановления народного хозяйства 1921—1925 гг. Исторические очерки». М., 1955, стр. 45; Н. Войнова и М. Лебедева. Огненные годы. Новосибирск, 1927, стр. 45.

⁵⁴ И. Т. Белимов. Разгром Сургутского кулацкого мятежа в 1921 г. «Ученые записки» (Тюменский государственный педагогический институт), Тюмень, 1958, т. 5, в. 2, стр. 86.

⁵⁵ См.: И. В. Яровой. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства в Сибири. Новониколаевск, 1924, стр. 34; М. Беляшов, ук. соч., стр. 150; И. Панов. Экономическое и политическое положение деревни Енисейской губернии накануне НЭПа. Сб.: «К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции», Красноярск, 1957, стр. 368; Краткий отчет командующего всеми вооруженными силами и уполномоченного РВС на Украине V Всеукраинскому съезду Советов, Харьков, 1921; Р. Эйдеман. Очаги атаманщины и бандитизма. Харьков, 1921.

⁵⁶ Я. Головчинер, ук. соч., стр. 273.

⁵⁷ Там же, стр. 278.

ского «государства», созданного мятежниками после захвата г. Тобольска и окрестных районов. В «законах о труде», изданных бандитами в первые же дни после захвата власти, полностью отменялись советские законы об охране труда и социальном обеспечении рабочих и батраков. Частным предпринимателям предоставлялась возможность бесконтрольного найма и использования рабочей силы, установления системы штрафов и вычетов из заработной платы и т. п.⁵⁸ Эти данные можно было бы значительно приумножить.⁵⁹

Таким образом, основным ядром, главной силой антисоветских мятежей в сельских районах являлись капиталистические элементы деревни — кулачество. Об этом предпочитают упорно молчать господа Раух, Лемберг и др.

Советская историческая наука никогда не отрицала, а наоборот, подчеркивала, что особая опасность контрреволюционных выступлений кулачества в период перехода от войны к миру обуславливалась участием в них некоторой части среднего крестьянства, составлявшего, как известно, большинство населения страны.⁶⁰ «Класс мелких земледельцев, — писал В. И. Ленин в 1921 г., — не может не переживать в переходную эпоху ряда колебаний. Трудности переходного положения, влияние буржуазии неизбежно вызывают от времени до времени колебания в настроении этой массы».⁶¹ «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, — отмечал он в докладе на X съезде РКП(б), — несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности. . .».⁶² В колебаниях середняка, ставящих под угрозу союз рабочего класса и крестьянства, и заключалась суть политического кризиса, переживаемого страной. В. И. Ленин так охарактеризовал его: «. . . мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Со-

⁵⁸ М. А. Богданов. Разгром Ишимско-Петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 г., «Ученые записки» (Ишимский государственный педагогический институт), 1959, т. III, вып. 4, стр. 19.

⁵⁹ См.: П. В. Семернин. Первые шаги Донской областной партийной организации в колхозном движении (1920—1921). «Ученые записки» (Ростовский-на-Дону Гос. ун-в.), 1955, т. 31, вып. 1, стр. 46—47; А. И. Новгородов, ук. соч., стр. 3; Р. Эйдеман, ук. соч., и др.

⁶⁰ См.: «История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1959, стр. 321; История СССР. Эпоха социализма. М., 1958, стр. 320; «СССР в период восстановления народного хозяйства», М., 1955, стр. 44. История ВКП(б). Краткий курс, Госполитиздат, М., 1950, стр. 238.

⁶¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 435.

⁶² Там же, стр. 160.

ветской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих».⁶³

Западногерманские буржуазные историки пытаются ухватиться за отдельные выступления рабочих, имевшие место в те трудные годы, чтобы затушевать мелкобуржуазную сущность всего антисоветского движения и доказать его «общенародный характер». Все они без исключения много пишут о забастовках, имевших место в Петрограде в феврале—марте 1921 г.⁶⁴ Но при этом реакционная «советология» намеренно игнорирует глубокие изменения в составе петроградского пролетариата, происшедшие в годы гражданской войны.

Голод, транспортная разруха, топливный кризис особенно тяжело сказались на промышленности и рабочих Петрограда. Тысячи наиболее сознательных из них ушли в армию, на советскую и хозяйственную работу, в продотряды. Многие, спасаясь от голода, холода, эпидемий, выехали из города в деревню. Если по республике среднее число рабочих в 1920 г. в сравнении с 1913 г. сократилось до 56,9%, то в Петрограде оно снизилось до 35,8%.⁶⁵ В целом, по ориентировочным подсчетам, в результате процесса распыления, из числа 120 тыс. кадровых рабочих, занятых на предприятиях Петрограда летом 1918 г., к концу гражданской войны на заводах осталось не более 50 тыс.⁶⁶ Количественное сокращение сопровождалось изменениями качественного порядка. Частая остановка предприятий, тяжелые материальные условия заставили рабочих прибегать к непролетарским способам заработка. Они вынуждены были заниматься при всяком удобном случае изготовлением предметов, годных для обмена или продажи.⁶⁷ Если в 1908 г. доля не заводских доходов в бюджете семейного рабочего Петербурга составляла 5,4%, то в 1918 г. она возросла до 38%.⁶⁸ Мы не располагаем данными за 1919 и 1920 гг. Но не может быть сомнения, что удельный вес не заводских доходов в эти годы

⁶³ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 383.

⁶⁴ См.: G. Rauch, ук. соч., стр. 175—176; O. Anweiler, ук. соч., стр. 311; W. Gottlieb, ук. соч., стр. 51; G. Scheuer, ук. соч., стр. 84.

⁶⁵ Исчислено по данным «Материалов по статистике Ленинграда и Ленинградской области», Л., 1925, вып. 6, стр. 18.

⁶⁶ См.: О. И. Шкаратан, Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917—1928), неопубликованная диссертация, Л., 1958, стр. 204—206.

⁶⁷ См.: Финскому коллективу РКФП Петроградского района. Доклад. 1 апреля 1921 г., Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО), ф. 4591, оп. 5, д. 51, л. 125.

⁶⁸ Положение труда в Петроградской губернии за 1918—1923 гг. Статистический атлас, П., 1923, стр. 25.

продолжал возрастать. Кадровый рабочий силою обстоятельств, таким образом, превращался в мелкого производителя. Оценивая классовый характер этого явления и его значение, В. И. Ленин говорил на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г.: «В силу печальных условий нашей действительности, пролетарии вынуждены прибегать к способам заработка не пролетарским, не связанным с крупной промышленностью, а мелкобуржуазным, спекулятивным и путем лихих сделок, путем ли частного производства на общественной фабрике добывать продукты себе и эти продукты обменивать на земледельческие, — в этом наша главная экономическая опасность, главная опасность всего существования советского строя».⁶⁹

В начале 1920 г., в связи с частичным развертыванием производства на ряде заводов, обнаружился острый недостаток рабочей силы.⁷⁰ Советские органы вынуждены были в порядке трудовой повинности привлечь к работе на предприятиях в массовом масштабе непролетарские слои городского населения и некоторую часть крестьянства. Если учесть, что в 1920 г. в петроградской промышленности было занято примерно 90—100 тыс. человек, из которых собственно кадровые рабочие составляли около 50 тыс., то очевидно, что остальные 40—50 тыс. составляли трудмобилизованные. Они направлялись в первую очередь на наиболее крупные заводы, недостаток рабочей силы на которых ощущался наиболее остро. На Балтийском заводе, например, в первой половине марта 1921 г. из 4000 рабочих непролетарские элементы составляли свыше 80% — 3.200 человек.⁷¹ Подобная картина наблюдалась и на других крупных заводах (Обуховском, Новом Лесснере, Трубочном и др.).⁷²

Эти-то мелкобуржуазные элементы, в значительной своей части связанные с деревней и отражавшие настроения, царившие в среде крестьянства, под влиянием резко возросших весною 1921 г. продовольственных и иных хозяйственных трудностей поддались в первую очередь эсеро-меньшевистской агитации и прекратили работу.⁷³ К ним примкнула и наиболее

⁶⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 389.

⁷⁰ См.: «Новый путь» (орган Петроградского совета народного хозяйства), 1920, № 9, стр. 21.

⁷¹ Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 78, оп. 1, ед. хр. 15, л. 12.

⁷² См.: Там же, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 60, лл. 1—4; ф. 16, св. 7, ед. хр. 50, л. 92; «Красная газета» (орган Петроградского совета), 1921, № 7, 13 января.

⁷³ См.: Протоколы коллектива РКП(б) Балтийского завода, 6 мая 1921 г., копия, ЛПА, ф. 78, оп. 1, ед. хр. 14, л. 22; стенограмма засе-

деклассированная часть кадровых рабочих. Характеризуя упомянутые события, В. И. Ленин писал: «Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией... Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата».⁷⁴

Игнорируя классовое содержание рассматриваемых событий, западногерманские «остфоршеры» искажают, следовательно, и сами события и выводы, вытекающие из них. Подобным же образом действуют они и при оценке сил кронштадтских мятежников. Так, О. Анвайлер утверждает, что матросы Кронштадта вплоть до весны 1921 г. принадлежали к самым верным сторонникам В. И. Ленина. Но, оказывается, эти «последователи Ленина», «верные своим революционным традициям», никак не хотели мириться с «методами большевистской диктатуры». Вместе с тем Анвайлер признает, что уже с весны 1920 г. состав кронштадтских матросов стал пополняться молодыми украинскими рекрутами, которые принесли с собой широкое недовольство крестьян политикой продразверсток.⁷⁵ О пополнении флота крестьянскими элементами говорит и Г. Раух.⁷⁶ Зато В. Гроциан и Е. Лемберг, не желая считаться с очевидными даже для части своих коллег фактами, упорно стараются отождествить состав кронштадтских матросов 1921 г. с составом 1917 г., а Г. Шойер пытается выдать их за последовательных пролетарских революционеров.⁷⁷

Советскими исследователями доказано, что состав балтийских матросов к концу гражданской войны значительно изменился.⁷⁸ По подсчетам А. С. Пухова, к весне 1921 г. почти 80% Балтийского экипажа составляли матросы крестьянского происхождения, причем значительная часть из них прибыла из деревни недавно и принесла с собою недовольство продразверткой, политикой военного коммунизма.⁷⁹ Новобранцы, как

дания Петроградского комитета РКП(б) 21 февраля 1921 г., ЛПА, ф. 16, св. 7, ед. хр. 50, л. 92; Стенографический отчет заседания Петровета 26 февраля 1921 г., ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 5, д. 1, лл. 45—46.

⁷⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 3.

⁷⁵ О. Anweiler, ук. соч., стр. 312—313.

⁷⁶ G. Rauch, ук. соч., стр. 176.

⁷⁷ См.: W. Grottian, ук. соч., стр. 51; E. Lemberg, ук. соч., стр. 172; G. Scheuer, ук. соч., стр. 86.

⁷⁸ А. С. Пухов, ук. соч.; О. Л. Леонидов, Ликвидация кронштадтского мятежа. М., 1939; К. Жаковщиков, ук. соч., и др.

⁷⁹ А. С. Пухов, ук. соч., стр. 41.

вынуждены признать и О. Анвайлер и Г. Раух, и «стали позже активным ядром восстания».⁸⁰

Конечно, неправильно было бы проводить полную аналогию между бандитизмом в деревне, кронштадтскими мятежниками и отдельными выступлениями (волынками) рабочих в некоторых городах, но при всем разнообразии состава участников и их целей мелкобуржуазный характер этих выступлений несомненен. Попытка реакционеров от науки выдать эти разрозненные, но однотипные по классовому содержанию выступления за «общенародное движение против большевиков» бездоказательна, неуклюжа и грубо искажает смысл событий.

В поисках аргументов для обоснования своего антинаучного вывода западногерманские «советоведы» обращаются к «программным» документам мятежников. Они утверждают (на примере Кронштадта), что эти документы «отражали самые неотложные в данный момент чаяния рабочих и крестьян»⁸¹ и что в них речь идет «не просто о демократических свободах, а о новой форме социалистического радикализма...».⁸²⁻⁸³

В то время как трудящиеся массы жестоко страдали от продовольственного и топливного кризиса, в кронштадтской резолюции, принятой 1 марта 1921 г. и пропагандируемой мятежниками и их современными адептами в качестве «программы народной революции», ни слова не говорилось о путях преодоления хозяйственной разрухи. Ничего конкретного и определенного по этому первостепенному жизненному вопросу не содержали и резолюции, принятые рабочими некоторых петроградских заводов, подавшимися эсеро-меньшевистской агитации. Написанные одним из лидеров меньшевиков Ф. Даном, они не шли далее общих рассуждений о необходимости привлечения мелкого производителя к восстановлению хозяйства и ставили ликвидацию разрухи всецело в зависимость от помощи международного империализма. Эта откровенно капитулянтская подоплека прикрывалась требованиями снятия заградительных отрядов, предоставления рабочим права ограниченного провоза продуктов и т. п.⁸⁴⁻⁸⁵ И если о путях и методах возрождения

⁸⁰ См.: О. Anweiler, ук. соч., стр. 312—313; G. Rauch, ук. соч., стр. 175—176.

⁸¹ О. Anweiler, ук. соч., стр. 315.

⁸²⁻⁸³ G. Rauch, ук. соч., стр. 176.

⁸⁴⁻⁸⁵ См.: Приложение к протоколу общего собрания Балтийского завода, 10 февраля 1921 г., копия, ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 5, д. 8, л. 45; Протоколы общих собраний заводов б. Дюмо, б. Новый Лесснер, б. Нобель, ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 5, д. 12, лл. 49а, 167—168, 182.

крупной промышленности ни кронштадтские мятежники, ни их петроградские, поволжские, сибирские и украинские «соратники» не говорили ни слова, то с поразительным единодушием все они выступали с требованием свободы торговли. Кронштадтцы стыдливо маскировали его туманной фразой о необходимости предоставления полного права «действия крестьянам над всею землею так, как им желательно...» и разрешения свободного кустарного производства. В Петрограде на ряде заводов это требование специально добавили к резолюциям собраний по настоянию трудмобилизованных.⁸⁶ Первым мероприятием сибирских бандитов после захвата ими некоторых районных центров и деревень было объявление свободы торговли всеми товарами, кроме пушнины.⁸⁷⁻⁸⁸

Сочетание полной беспомощности в вопросах конкретных путей и методов восстановления крупного производства с требованием свободы торговли достаточно определенно говорит о том, чьи «неотложные чаяния» отражали все антибольшевистские выступления весной 1921 г. Не случайно буржуазные историки уходят от сколько-нибудь подробного анализа этой проблемы и сосредоточивают все свое внимание на политической части кронштадтской программы, полной трескучих фраз, демагогии, открывающей возможности для фальсификации одного из коренных вопросов — вопроса о характере кронштадтского мятежа и ему подобных выступлений.

Основным пунктом политической платформы мятежники выдвигали лозунг немедленных перевыборов Советов на основе всеобщего и равного избирательного права при полной свободе агитации. Этот призыв сопровождался яростной антикоммунистической клеветой, истощными воплями о приверженности демократии, о необходимости «передачи всей власти Советам, а не партиям» и т. п. Уцепившись за подобную псевдореволюционную болтовню, вся реакционная историография до небес превозносит якобы последовательно революционный дух мелкобуржуазных выступлений и в один голос обвиняет советских историков в умышленном и систематическом искажении их характера. «Кронштадтцы, — утверждает О. Анвайлер, — были истинными революционерами», «абсолютными приверженцами советской системы...», «стояли на почве Октябрьской революции 1917 г. ...» и даже были «...определенно левее ее».⁸⁹ Отбросив в сторону всякое подобие научной объективности, О. Анвайлер с нескрываемой злобой заявляет, что

⁸⁶ См. указанные резолюции петроградских заводов.

⁸⁷⁻⁸⁸ И. Т. Белимов, ук. соч., стр. 79; М. А. Богданов, ук. соч., стр. 18—20.

⁸⁹ О. Anweiler, ук. соч., стр. 316—317.

большевики якобы фальсифицируют характер кронштадтского восстания, изображая последнее как контрреволюционное, бело-гвардейское выступление.⁹⁰

Существо туманных лозунгов «чистой демократии», «замены диктатуры демократией», под прикрытием которых ополчаются на марксистскую историографию современные апологеты мятежников, задолго до рассматриваемых событий было вскрыто основоположниками научного коммунизма. В письме к А. Бебелю от 11 декабря 1884 г. Ф. Энгельс указывал, что чистая демократия в момент революции приобретает на короткий срок временное значение в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства. «... все, что было реакционным, наденет тогда демократическую маску. Так вся феодально-бюрократическая масса в 1848 г., от марта до сентября, поддерживала либералов с целью подавления революционных масс... Во всяком случае в день кризиса и на другой день после него нашим единственным противником будет группирующаяся вокруг чистой демократии объединенная реакция».⁹¹ Под лозунгами «чистой демократии» пришли к власти в 1918 г. меньшевики и эсеры в Самаре. И они дали один из классических примеров эволюции мелкобуржуазной власти в сторону контрреволюционной военной диктатуры: Комуч⁹²—Директория—колчаковщина. И если кронштадтцы предпочитали скрываться за завесой «чистой демократии», то их единомышленники в Сибири выступали куда определеннее. Они прямо и открыто требовали низвержения диктатуры пролетариата и замены ее «крестьянской (читай — кулацкой) диктатурой», воплощающей якобы «истинное народовластие».⁹³

Исторический опыт подтверждает, таким образом, правильность марксистского положения о том, что попытки идеологов буржуазии противопоставить диктатуру пролетариата так называемой «чистой демократии» есть вздор и обман. Они не оригинальны и перепевают лишь старую, давно разоблаченную и опровергнутую В. И. Лениным клевету на пролетарскую диктатуру господ каутских, мартовых и К^о.⁹⁴ Так называемая «демократия» служила лишь ступенькой к захвату власти крупной буржуазией. Этот непреложный факт, не один раз повторяв-

⁹⁰ Там же, стр. 314.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 385—386.

⁹² Комуч — Комитет членов учредительного собрания — марionеточное контрреволюционное эсерово-меньшевистское правительство, созданное 8 июня 1918 г. белогвардейцами и интервентами после захвата Самары.

⁹³ М. А. Богданов, ук. соч., стр. 18—19.

⁹⁴ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 207—302.

шийся в ходе гражданской войны в России, был и остается основой для оценки марксистской историографией подлинного объективного характера мелкобуржуазного движения 1921 г. Оно было насквозь реакционным и антисоветским, ибо неминуемо расчищало почву для установления контрреволюционной буржуазной диктатуры.

Состав организованного кронштадтскими мятежниками комитета, названного ими для маскировки ревкомом, достаточно убедительно говорит о том, от кого и в чью пользу собирались мятежники «освободить Советы». Афишируемый в качестве «абсолютно беспартийного органа», этот комитет в действительности состоял из Петриченко (связан с эсерами и анархистами, все время восхвалял Петлюру и Махно, за что был прозван сослуживцами «Петлюра»), Валька и Романенко — активные меньшевистов, инженера-механика Орешина — эсера. Эту «беспартийную», как она себя именовала, компанию достойно дополняли другие члены «ревкома»: Туркин — бывший жандарм, старый офицер, владелец шести домов и трех магазинов, во время революции ставший мастерским Электромеханического завода; Байков — бывший домовладелец, превратившийся в скромного заведующего обозом строителя крепости; Павлов — бывший сыщик уголовного розыска, числившийся в официальных списках простым рабочим минной мастерской, и восемь других членов, среди которых не было ни одного коммуниста.⁹⁵ В составе «Городского крестьянского совета» в Тобольске не оказалось ни одного рабочего, ни одного крестьянина-середняка или бедняка. Зато были торговцы и кулаки, связанные в той или иной степени с различными антисоветскими партиями, начиная от эсеров и кончая черносотенным монархическим «Союзом Михаила архангела». Председателем «Совета» был избран кадет Степанов.⁹⁶

Следовательно, на поверку оказывается, что лозунги «свободных советов», «власть советам, а не партиям» практически нисколько не отличались от лозунга «советы без коммунистов». То, что предпочитали скрывать в Кронштадте, ясно высказывали их единомышленники в Сибири, которые откровенно провозглашали: «С нами бог, да здравствуют Советы без коммунистов». Так же действовали мятежники и других районов.⁹⁷ Банда Н. Ухачева, оперировавшая в Поволжье в 1919—1921 гг.,

⁹⁵ См.: А. С. Пухов, ук. соч., стр. 77. Состав Комитета прекрасно известен О. Анвайлеру, который знаком с книгой А. С. Пухова. Но он никак не возражает советскому историку, просто замалчивает этот факт.

⁹⁶ М. А. Богданов, ук. соч., стр. 18—19.

⁹⁷ См., например, М. Беляшов, ук. соч., стр. 156.

в первые годы выступала под лозунгом «Долой Советы», но затем к концу 1920 г. «перестроилась». Бандиты перестали разгонять Советы. Ворвавшись в то или иное село, убивали коммунистов и активных сторонников Советской власти, а во главе Советов ставили кулаков.⁹⁸

Русская и международная буржуазия прекрасно понимала содержание кронштадтских лозунгов и неминуемые последствия их осуществления. Один из белогвардейских органов, оценивая программу мятежников, писал: «Эта программа может выразиться в кратком лозунге: „Долой большевиков, да здравствуют Советы“... „Да здравствуют Советы“ — для настоящего момента означает, всего вероятнее, что власть должна перейти от большевиков к умеренным социалистам, которые получают большинство в Советах. Для многих, конечно, эти последние тем же миром мазаны, как и сами большевики. Помимо того, что мы не разделяем этого мнения, у нас есть и другие основания не протестовать против кронштадтского лозунга... Для нас очевидно, что если не говорить о насильственном свержении власти слева или справа, то эта санкция (новой власти), конечно, временная, только и может быть дана учреждениями вроде Советов. Только таким образом переход может совершиться безболезненно и быть признан всею страной».⁹⁹

Следовательно, для наиболее дальновидных буржуазных деятелей типа П. Милюкова «свободные Советы», «Советы без коммунистов» были лишь временной переходной мерой к буржуазной реставрации. Поэтому-то эмиграция всеми силами и поддерживала кронштадтцев. И как ни пытаются господа Анвайлер, Шойер и другие уверить читателей, что мятежники никоим образом не были связаны с контрреволюционной эмиграцией и даже отвергли предложения В. Чернова о личном прибытии в Кронштадт, об организации продовольственного снабжения и т. п.,¹⁰⁰ бесчисленное количество фактов свидетельствует как раз об обратном. Вся белая эмиграция организовала сбор средств для оказания помощи Кронштадту. В короткое время, за две недели, была собрана внушительная сумма — миллион двести тысяч франков.¹⁰¹ От русских белогвардейцев не отставали империалисты Антанты. По сообщению белоэмигрантских «Последних новостей», французское правительство разослало своим представителям в государствах, гра-

⁹⁸ Я. М. Головчинер, ук. соч., стр. 260.

⁹⁹ Цит. по кн.: Е. Ярославский. Десятый съезд РКП(б). М., 1941, стр. 31—32.

¹⁰⁰ См.: О. Anweiler, ук. соч., стр. 314—315; G. Scheuer, ук. соч., стр. 85—86.

¹⁰¹ А. С. Пухов, ук. соч., стр. 107.

ничащих с Советской Россией, телеграммы об оказании быстрой помощи населению областей, «освобожденных от большевиков», американский Красный крест приказал представителю в Гельсингфорсе организовать продовольственную помощь мятежникам.¹⁰² С этой целью в Кронштадт был направлен отъявленный белогвардеец, бывший командир линкора «Севастополь» барон фон Вилькен.¹⁰³

Для буржуазии Советы без большевиков были не более чем фиговым листком. Убедившись в безнадежности осуществления своих планов под открыто контрреволюционным флагом, она напрягала все усилия к тому, чтобы расчистить дорогу контрреволюции путем временной передачи власти любой мелкобуржуазной партии, которую затем можно будет легко отстранить и полностью реставрировать капиталистическую диктатуру.

Реакционная историография, наконец, пытаясь опровергнуть марксистский вывод о контрреволюционном характере мелкобуржуазного движения, не останавливается перед извращением или замалчиванием широко известных фактов активного участия в нем белогвардейского офицерства, меньшевиков и эсеров, запятнавших себя позорным сотрудничеством с контрреволюцией. О. Анвайлер, например, не отрицает участия офицерства в Кронштадтском мятеже. Но при этом он утверждает, что участие это было пассивным. Офицеры будто бы выполняли те же функции военных специалистов, что и при большевиках.¹⁰⁴ Анвайлеру хорошо известны как документы, изобличающие генерала Козловского и других офицеров в активном участии в мятеже, так и документы, доказывающие якобы лишь их пассивное участие. К числу первых относятся воспоминания участников событий, точно указавших факты, ярко выявляющие «знакомую фигуру белогвардейских генералов»: ¹⁰⁵ созыв Козловским, несмотря на категорическое возражение комиссара, собрания сотрудников и красноармейцев управления артиллерии крепости, поведение комсостава 560-го стрелкового полка и других частей, бравшего на себя руководство собраниями в самый ответственный момент и склонявшего солдат и матросов на сторону мятежников, не говоря уже о руководстве военными действиями.¹⁰⁶ К числу вторых — голословные заявления руководителей «ревкома», отрицавших участие офицерства в руководстве на единственном основании — отсутствии офицеров в составе членов пресловутого «ревкома», и краткий рассказ

¹⁰² «Последние новости», 1921, № 270, 8 марта.

¹⁰³ См. А. С. Пухов, ук. соч., стр. 114.

¹⁰⁴ О. Anweiler, ук. соч., стр. 314.

¹⁰⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 159.

¹⁰⁶ А. С. Пухов, ук. соч., стр. 62—65.

генерала Козловского, в котором нет никаких конкретных фактов, подтверждающих пассивность лично его и его помощников.¹⁰⁷

Произвольно отбрасывая документы, основанные на неопровержимых фактах, и предпочитая им другие, содержащие лишь общие заявления, О. Анвайлер лишний раз демонстрирует методы «работы» буржуазной историографии с источниками и настоящую цену ее аргументации и доводов.

В Кронштадте офицерство скрывалось за спиной «ревкома». В Сибири и других районах оно действовало открыто. Бандитами в Зауралье руководили бывший адъютант известного врага Советской Республики генерала Гайды, бело-чех Сватош, бывший генерал Родин и др. В Енисейской губернии кулацкие отряды возглавлял колчаковский офицер Михайлов. Все нити контрреволюционных выступлений и заговоров в Поволжье и Сибири тянулись к так называемому «крестьянскому союзу» — «беспартийной» нелегальной антисоветской организации, во главе которой стояли эсеры Игнатъев (бывший член архангельского белогвардейского правительства Чайковского), Тяпкин и белогвардейское офицерство. В числе так называемых центральных руководителей антоновщины находились люди явно кадетско-монархического направления.¹⁰⁸ Многочисленные документы доказывают, что руководство подготовкой мятежа в Кронштадте и выступлений в Петрограде осуществляли меньшевики, эсеры и анархисты, действовавшие рука об руку с буржуазно-помещичьим нелегальным заговорщическим центром, возглавляемым В. Таганцевым. Центр был тесно связан с русской эмиграцией и рядом иностранных разведок.¹⁰⁹ Лучшим доказательством такой связи являются сообщения парижских, лондонских и других зарубежных газет, которые за несколько недель до событий в Кронштадте и Петрограде писали о них.¹¹⁰

Руководящая роль белогвардейского офицерства, меньшевиков, эсеров и прочих самых махровых контрреволюционных элементов в движении мелкой буржуазии весной 1921 г. несомненна. Никакие маневры западногерманской историографии не могут опровергнуть этого очевидного факта.

¹⁰⁷ См.: «Правда о Кронштадте», изд. «Воля России», Прага, 1921, стр. 14, 130—131, 158.

¹⁰⁸ См.: М. Беляшов, ук. соч., стр. 151; И. Панов, ук. соч., стр. 368; С. Канев. Из истории борьбы В. И. Ленина против фракционных группировок. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4, стр. 64.

¹⁰⁹ См.: П. Болдин. Большевики в кронштадтском мятеже. «Красная летопись», 1931, № 3, 5—31; «Из истории ВЧК». Сб. докум. М., 1958, стр. 445—458.

¹¹⁰ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 160, 243—245.

И, наконец, последним вопросом рассматриваемой проблемы, фальсификации которого реакционные идеологи уделяют серьезное внимание, является вопрос о причинах провала антисоветских выступлений. При всем разнообразии точек зрения большинство буржуазных историков вынуждено признать значение перехода к новой экономической политике и влияние ее на дальнейшее развитие событий. Е. Лемберг даже отмечает, что в этом шаге Коммунистической партии «проявилось человеческое и политическое величие Ленина, понимавшего необходимость отступления».¹¹¹ Но подобные крупницы истины тонут в потоке злобной клеветы, призванной во что бы то ни стало доказать, что только с помощью угроз, пушек и подачек большевикам удалось ликвидировать восстания и заглушить недовольство масс.¹¹²

Разве могла бы Коммунистическая партия, насчитывавшая накануне X съезда немногим более семисот тысяч человек, управлять 150-миллионным рабоче-крестьянским населением России вопреки его воле, а тем более подавлять его недовольство с помощью армии, состоявшей из тех же рабочих и крестьян? Разгромить в короткий срок все мелкобуржуазные выступления удалось именно потому, что Советская власть опиралась на всестороннюю поддержку сознательного ядра рабочих и беднейшего крестьянства. Целые заводские коллективы в Петрограде выступили с осуждением «волюнок» и забастовок. Рабочие одного из крупных заводов на общем собрании приняли следующую резолюцию: «...мы, рабочие и служащие, выражаем твердую уверенность в том, что временные топливные и продовольственные затруднения будут изжиты в ближайшее время, и готовы всеми силами прийти на помощь своей Рабоче-Крестьянской власти в деле борьбы как с упомянутыми затруднениями, так и в деле общего восстановления народного хозяйства. Тех же, кто своими злыми наветами старается внести разброд в нашу среду и призывает к недоверию органам власти, клеймим позором, твердо помня, что предательства от своих же братьев рабочих, посланных нами в верховные учреждения, мы ожидать не можем».¹¹³

Собрание представителей секции работников предприятий полиграфического производства, состоявшееся 4 марта 1921 г.,

¹¹¹ Е. Lemberg, ук. соч., стр. 172.

¹¹² См.: О. Anweiler, ук. соч., стр. 312, 318; G. Rauch, ук. соч., стр. 177, 178; W. Grottian, ук. соч., стр. 51; G. Scheuer, ук. соч., стр. 86.

¹¹³ Протокол общего собрания рабочих и служащих завода 24 февраля 1921 г., копия, ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 5, д. 14, л. 103.

призвало работниц Петрограда быть на страже пролетарской революции и потребовало от Советской власти, «чтобы она больше не волянила со всеми нашими врагами, под каким бы знаменем они ни выступали, а огнем и мечом немедленно уничтожила кронштадтских контрреволюционных мятежников и их петроградских мерзавцев-шептунов. Не должно быть им пощады от пролетарской руки! Да здравствует пролетарская власть Советов!» — заканчивали свое обращение работницы.¹¹⁴

Собрание железнодорожников г. Тюмени, оказавшегося в районе действия банд, постановило: «Предложить Губисполкому и Губвоенкомату использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы отбить у кулаков охоту на дальнейшие восстания. Со своей стороны железнодорожники все как один в любое время готовы выступить на защиту Советской власти».¹¹⁵

Черноморские, каспийские и балтийские моряки, красноармейцы ряда гарнизонов, рабочие и крестьяне большинства городов, сел требовали решительного подавления контрреволюционных выступлений.¹¹⁶ Антисоветское лицо участников этих выступлений с каждым днем становилось яснее для рабочих и крестьян тех районов, где оперировали кулацкие банды. Кронштадтские рабочие и матросы, не поддавшиеся контрреволюционной демагогии, писали в прокламации, обращенной к рабочим Петрограда: «Братский и низкий привет и поклон из Кронштадта шлём вам товарищи. Мы беспартийные рабочие и старые моряки и фронтовики красноармейцы говорим вам. Беда. К Кронштадту подбираются генералы и финляндские белогвардейцы... Не отдавайте нас на растерзание в лапы белогвардейцев».¹¹⁷ Ряд документов свидетельствует о растущем недоверии матросов к заправилам мятежа и их подозрениях о связи последних с контрреволюционными силами.¹¹⁸ Кре-

¹¹⁴ «Петроградская правда», 1921, № 49, 5 марта.

¹¹⁵ Цит. по: М. Богданов, ук. соч., стр. 20.

¹¹⁶ См.: «Петроградская правда», 1921, №№ 48, 49, 50, 4, 5, 6 марта, «Звезда» (орган Новгородского губкома РКП(б) и губисполкома), 1921, № 50, 6 марта; «Псковский набат», 1921, №№ 53, 54, 55, 10, 12, 15 марта; «Плуг и молот» (орган Ямбургского укома РКП(б) и уисполкома), 1921, № 16, 14 марта; «Смена», 1921, № 7/10, 15 марта; «Красный Балтийский флот», 1921, № 29, 31, 35, 12, 17, 26 марта и т. д.

¹¹⁷ Прокламация напечатана в газете «Маховик» (орган Петроградского губпрофсовета) со всеми ошибками, которые показывают, в каких трудных условиях печаталась листовка. Мы полностью сохраняем текст, приводимый «Маховиком» (1921, № 45, 16 марта).

¹¹⁸ См. Стенограмму заседания Петросовета, 31 августа 1921 г., ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 5, д. 20, лл. 8—10.

стьянство сел и деревень в районах действия кулацких банд видело, какую «свободу» несут с собой новоявленные «освободители». Окрестные жители, например, были свидетелями, как бандиты напали на коммуну «Искра» в Зауралье и вырезали почти поголовно всех ее членов вместе с детьми.¹¹⁹ В селе Суловском пленным комсомольцам кулачье забивало в рот деревянные колья; в селе Советском арестованных клали на «козла» и перепиливали живых, раскалывали черепа, выкалывали глаза.¹²⁰ От зауральских кулаков не отставали сибирские, поволжские, донские, забайкальские и т. д.¹²¹ Эти факты не оставляют камня на камне от попыток Анвайлера, Рауха и других выдать нерешительность и колебания, царившие в рядах кронштадтцев, за признаки миролюбия и гуманности всего движения.¹²²

На собственном опыте убеждались массы в правдивости пропаганды, которую неустанно вели большевики на заводах, в селах, в красноармейских и краснофлотских частях в эти напряженные недели. Они разъясняли причины хозяйственной разрухи, топливного и продовольственного кризиса, разоблачали клевету эсеров, меньшевиков, белогвардейцев и открывали колеблющимся массам глаза на истинную сущность «волынок», кулацких восстаний и Кронштадтского мятежа. Все формы устной и печатной пропаганды были использованы для решения этой задачи. Об огромном размахе работы говорят хотя бы такие факты: В Петрограде не было ни одного среднего или крупного завода, на котором в январе, феврале, марте месяцах не прошло бы по несколько общих и делегатских собраний.¹²³ В Тамбовской губернии Губком РКП(б) издал и распространил среди крестьян около миллиона листовок, в которых разъяснялась классовая сущность бандитизма и политика Коммунистической партии в отношении трудящегося крестьянства.¹²⁴

Еще более широкий размах и целеустремленность приобрела

¹¹⁹ М. Беляшов, ук. соч., стр. 151.

¹²⁰ Там же, стр. 152.

¹²¹ См. И. Т. Белимов, ук. соч., стр. 85—86; Я. М. Головчинер, ук. соч., стр. 278—279; П. Семернин, ук. соч., стр. 47; А. Новгородов, ук. соч., стр. 18 и др.

¹²² См.: О. Anweiler, ук. соч., стр. 314—315; G. Rauch, ук. соч., стр. 177.

¹²³ См. дела с протоколами обще заводских и делегатских собраний за 1921 г., ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 5, дд. 12, 13, 14; см. также: А. З. Ваксер. Из истории классовой борьбы в Петрограде в начале восстановительного периода. «Ученые записки» (Ленинградский государственный педагогический институт им. Герцена), 1959, т. 188, стр. 20—25.

¹²⁴ «Коммунист», орган Тамбовского губкома РКП(б), 1921, № 7 (13), стр. 21—22.

разъяснительная работа после опубликования резолюций X съезда РКП(б), его обращения к петроградским рабочим.¹²⁵ Решения съезда стали поворотным пунктом в развитии событий. Чутко прислушиваясь к голосу масс, их нуждам, партия сумела в короткий срок осуществить крутой поворот в экономической политике. Этот поворот положил конец колебаниям мелкобуржуазных слоев города и деревни, создал новую основу для укрепления союза рабочего класса с бедняцкими и средняцкими массами крестьянства и еще больше упрочил авторитет Коммунистической партии и Советского правительства в стране.

За несколько дней до открытия съезда, в самый разгар контрреволюционной свистопляски и мелкобуржуазных колебаний среди трудмобилизованных и части рабочих, 26 февраля 1921 г. на пленуме Петроградского совета, отчет о котором опубликовали все городские газеты, было официально объявлено о предстоящей замене продовольственной разверстки налогом «с тем, чтобы лишь определенный процент хлеба шел государству, а остальные в полное распоряжение крестьянина».¹²⁶

Чрезвычайно характерно, что уже на другой день после опубликования этого документа в настроениях масс произошел резкий перелом, и забастовки пошли на убыль. Факт прекращения «волынок» после 27 февраля вынужден был признать даже такой враг Советской власти, как Ф. Дан.¹²⁷

Широчайший отклик и горячее одобрение встретило решение о переходе от продразверстки к налогу среди крестьянства. 24 апреля 1921 г. Тамбовский Губком РКП(б) в специальной резолюции отмечал, что за месяц, прошедший после X съезда партии, антисоветское движение сошло на нет и выродилось в эсеров-бандитские выступления. Это позволило с большим успехом провести двухнедельную кампанию добровольной явки бандитов. Только по одному Борисоглебскому уезду к 25 марта 1921 г. сдался со всем оружием и командным составом целый полк и около семи тысяч одиночек.¹²⁸

Помимо замены разверстки налогом, был осуществлен ряд мер по улучшению продовольственного снабжения, жилищных условий, коммунального обслуживания и т. д. СНК издал

¹²⁵ См.: «КПСС в резолюциях...», ч. 1, стр. 514—572.

¹²⁶ «Петроградская правда», 1921, № 44, 27 февраля.

¹²⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 5, д. 51, л. 125; ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 5, д. 33, лл. 4—5; ГАОРСС ЛО, ф. 4591, оп. 5, д. 12, л. 185; ЛПА, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 18, л. 142.

¹²⁸ «Коммунист», 1921, № 4 (10), стр. 10.

целую серию декретов, реализующих предложения рабочих (о натуральном премировании, об урегулировании условий труда, снятии заградительных отрядов, установлении нового порядка, облегчающего переход с предприятия на предприятие, о предоставлении отпусков и т. д.), которые немедленно начали проводиться в жизнь.¹²⁹

Вся огромная работа, проведенная Коммунистической партией, привела к изоляции мятежников от масс, содействовала сплочению трудящихся вокруг большевиков. Убедительным примером этого является нарастающая изоляция кронштадтских главарей от рядовых матросов, рабочих, о которой говорилось выше.

Таким образом, в действительности, вопреки утверждениям буржуазной историографии, судьба мятежников была решена до начала активных действий Красной армии. Массы отшатнулись от них. И это решило в первую очередь участь мелкобуржуазных авантюров не только в Кронштадте, но и в других районах. На борьбу с кулачеством поднялись беспартийные рабочие, середняки и беднота. Сформировали отряд для борьбы с бандитами железнодорожники станции Курган, рабочие Перми, Верхотурья и других городов. По данным, выявленным М. Беляшовым, только по одному небольшому району в пяти добровольческих отрядах, оперировавших против бандитов, беспартийные бедняки и середняки составляли от 40 до 70% общего числа бойцов.¹³⁰ Всего через одну-две недели после разгрома Кронштадтского мятежа на предприятиях Петрограда проходили выборы на общегородскую беспартийную рабочую конференцию, созданную по инициативе рабочих профсоюзными организациями. На конференции было избрано около тысячи делегатов, из которых 79% составляли беспартийные, 14% — члены РКП(б) и лишь 0.5% — меньшевики, эсеры и члены других партий, пролезшие, главным образом, под видом беспартийных.¹³¹ Конференция, хотя на ней абсолютное большинство составляли беспартийные, единодушно приняла не меньшевистские, а большевистские резолюции. Настроения, царившие среди делегатов, ясно и исчерпывающе выразил на большом митинге трудящихся беспартийный рабочий завода Артур Коппель Жигалко. «Много ругали Советскую власть на конференции и здорово ругали, — говорил он, — но никто не сказал коммунистам — уходите, вы нам не нужны. Наоборот,

¹²⁹ См.: «Правда» (орган ЦК РКП(б)), 1921, №№ 76, 77, 9, 10 апреля; «Маховик», 1921, № 68, 13 апреля и др.

¹³⁰ М. Беляшов, ук. соч., стр. 158; Богданов, ук. соч., стр. 57.

¹³¹ «Маховик», 1921, №№ 66, 75, 1, 21 апреля.

самые жестокие критики заявили: „Мы идем помогать вам, потому что вы — подлинно рабочая власть“». ¹³² В этих словах беспартийного кадрового рабочего заключена и оценка деятельности большевиков, и суровый приговор мелкобуржуазным авантюристам, и уничтожающая отповедь всем антикоммунистическим и антисоветским выпадам буржуазной историографии.

Итак, основные выводы реакционной историографии относительно причин обострения классовой борьбы в Советской России в период перехода к НЭПу, движущих сил, характера антисоветских выступлений, их разгрома от начала до конца тенденциозны, построены на грубом извращении исторических фактов.

Политический кризис, возникший в стране при переходе от войны к миру, не был следствием социалистических преобразований. Эта непреложная истина вышибает почву из-под ног буржуазных идеологов, стремящихся теоретически обосновать неизбежность кронштадтских, венгерских и им подобных событий в странах социалистического лагеря.

Уроки и опыт классовой борьбы весны 1921 г. учат, а венгерские события подтверждают дальновидность ленинского вывода о том, что потерпевшая поражение в открытой борьбе буржуазия стремилась и будет стремиться «... восстановить крестьянство против рабочих... восстановить против них мелкобуржуазную анархическую стихию под лозунгами рабочих...» для низвержения пролетарской диктатуры. ¹³³

Органической частью этих происков международной реакции является деятельность западногерманского остфоршунга, «специалистов» по Восточной Европе, протаскивающих под видом науки ложь и клевету на Советский Союз, Коммунистическую партию и социализм.

¹³² «Красная газета» (орган Петроградского совета), 1921, № 92, 26 апреля.

¹³³ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 161.